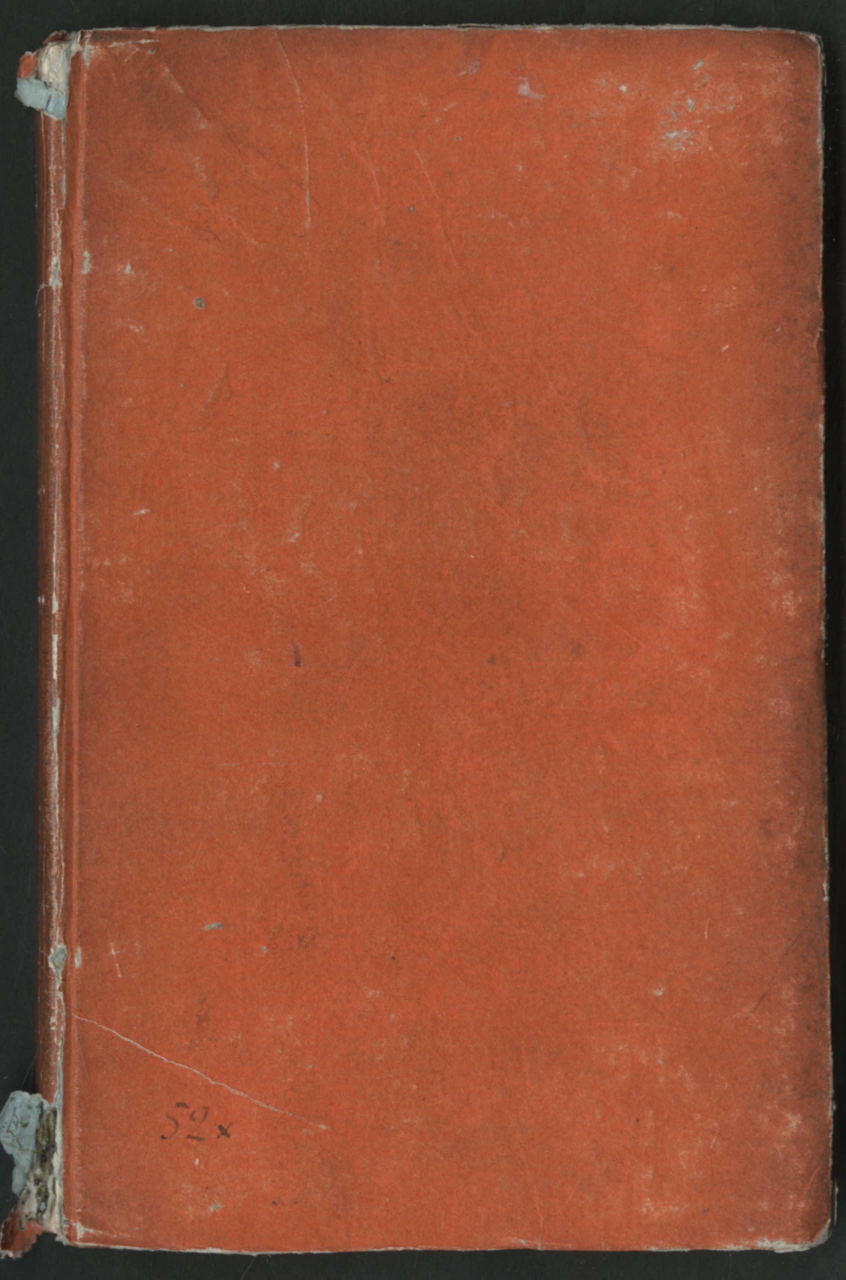
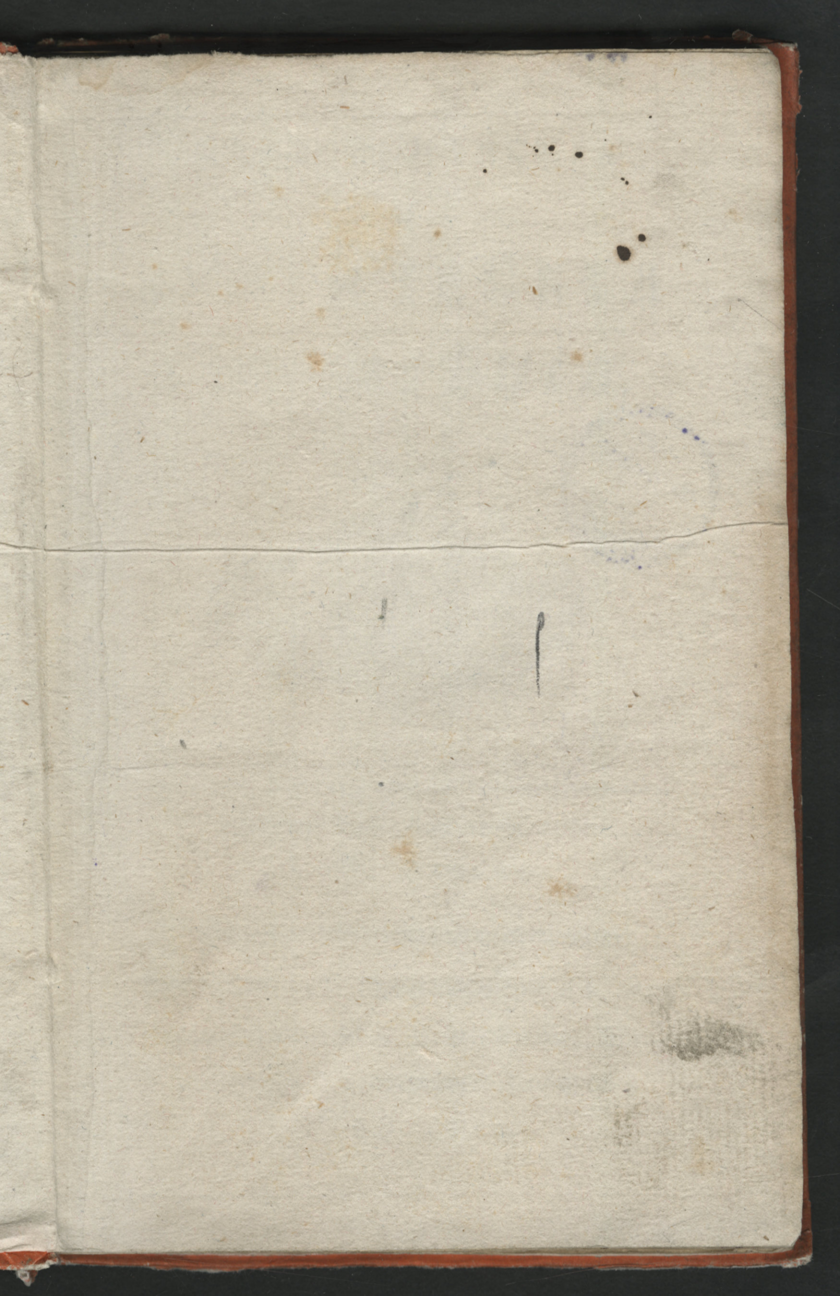

52

АЛЛЕГОРИЧЕСКІЯ
И
КРИТИЧЕСКІЯ
СНОВИДѢНІЯ.

иждивеніемъ книгопрадавца
Х. Ф. Клеэна.

Печатано въ Санктпетербургѣ при Артиллерійскомъ и Инженерномъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ,
1783 года.

СНОВИДѢНІЕ ПЕРВОЕ

О НЕЗНАНІИ БУДУЩАГО

Что насъ наиболѣе безпокоитъ, какъ незнаніе будущаго? и кто не желаетъ напередъ знать свою судьбину.

Я сомнѣваюсь, что бы кто отъ сего отрекся, и я увѣренъ, что желаніе сіе обитаетъ какъ въ мужичьихъ хижинахъ, такъ и въ знатныхъ

 пала-

палатахъ. Ни о какой мы вещи больше, какъ о семъ, не помышляемъ. Ни какой случай не можетъ приключиться, что бы не желали познать окончанія онаго. Отъ того раждается не примѣтное бозпокойствіе. Думаютъ, надѣются и себя ласкаютъ; однако неудовольствіе всегда усиливается, по тому, что не можно предъусмотрѣть окончанія дѣла. Могло ли бы сіе ненаградимое любопытство сдѣлаться столь великимъ, естьли бы люди довольны были своею судбою?

Тамъ сидитъ мужъ престарѣлой, которому небо превеликую милость оказало и еще оказываетъ. Онъ съ веселіемъ вспоминаетъ прошедшія времена, и о своемъ тѣлѣ ничего больше сказать не можетъ, какъ только что старъ годами. Силы его тѣла еще могутъ все то доброе чувствовать, что человѣку можетъ быть сопричастно. Онъ тѣмъ и насла-

наслаждается. Судьба учинила его въ семъ свѣтѣ зажиточнымъ мужемъ. Дѣти и внучата ежеднежно къ нему собираются, и каждой изъ нихъ тщится увеселить старика своими поступками. Не надлежало ли бы думать, что всѣ сіи обстоятельства могутъ его содержать въ спокойствѣ до тѣхъ поръ, пока вышшая власть не разлучитъ души его съ тѣломъ? однако старика мучитъ тайная печаль. Отъ Бога данныя преимущества весьма его трогаютъ. Онъ чувствуетъ и увеселяется оными, но не долго то продолжится. Незнаніе о судьбинѣ своея разрушаетъ его веселіе; по сей токмо причинѣ бываетъ онъ часто задумчивъ, по тому что предвидѣть (ничего) не можетъ, какъ долго онъ еще симъ благополучіемъ наслаждаться будетъ; доброе имя, которое онъ въ свѣтѣ имѣетъ, богатство приносящее ему почтеніе и спокойные дни, причиняютъ ему много размышленія. Онъ разсуждаетъ

о дѣтяхъ своихъ и внучатахъ со страхомъ, будутъ ли и они доброе имя и пожитки наблюдать съ такимъ же попеченіемъ, какое онъ имѣлъ. Примѣръ другихъ умножаетъ его сумнѣніе; онъ о томъ думаетъ, самъ въ себѣ размышляетъ, и сія забота влечетъ его къ желанію, чтобъ знать слѣдствіе времянъ.

Здѣсь красавица поддерживаетъ рукою голову свою утомившись многимъ разсужденіемъ о томъ, что ей впредь приключиться можетъ. Сановитое ея тѣло управляемо будучи честною душею, учинило ея любви достойною, и исправленные свойства ея души, суть причиною, что ея высокою почитать должно. Сего токмо я не могу о ней сказать, что она одарена богатствомъ. И сія то есть одна изъ тѣхъ причинъ, кои понуждаютъ ея размышлять о будущей ея судьбинѣ. Она опасается, чтобъ не умножить число состарѣвшихъ-

рѣвщихся дѣвицъ, по тому будущее и причиняетъ ей беспокойство и сумнѣніе. Она исполнила уже 30 лѣтъ своея жизни, и такъ какъ только о семъ вспомнитъ, то и размышляетъ. Она хотя и надѣется, такъ какъ и другія, на исполненіе, своего желанія, однако состояніе, въ коемъ она находится и множество предстарѣлыхъ красавицъ, начинаютъ въ ней возбуждать страхъ и сомнѣніе; и такъ хочется ей знать будущую свою судьбину.

Тамъ ходитъ человѣкъ въ печальныхъ мысляхъ и изъ одной улицы въ другую. Неудовольствіе является на лицѣ его и многое размышленіе, что съ нимъ будетъ впредь, дѣлаетъ его печальнымъ и смущеннымъ; онъ почитаетъ себя не благополучнымъ. Здравое тѣло и посредственные лѣта представляютъ ему долгой вѣкъ, которой онъ прожить можетъ. Онъ о семъ разсуждаетъ и боязли-

 язли-

язливой его духъ увеличиваетъ то, что ослабѣлой человѣкъ со страху, сомнѣнія и отчаянія представить себѣ можетъ. Ему не довольно, что онъ денные часы на то теряетъ; но и ночью въ тѣхъ же мысляхъ упражняется. Объятъ будучи ненасытнымъ желаніемъ, ненавидитъ онъ другихъ, кои по мнѣнію его во сто кратъ его щастливѣе; сіе его безпокоитъ, отъ того онъ проклинаетъ вѣкъ свой, отчаевается и негодуетъ на судьбину свою, что онъ не можетъ предвидѣть будущаго и себя тѣмъ утѣшить. Въ такомъ безпокойствѣ опускаются утомленные его члены, и такъ онъ засыпаетъ.

Тамъ оказывается мужъ, которой съ юношества упражнялся въ наукахъ; онъ все то дѣлалъ, чего отъ неусыпныхъ трудовъ требовать можно. Знаніе его превосходное, разсужденіе здравое, онъ имѣетъ хорошей вкусъ, проворство его въ дѣлахъ непосредствен-

ственное; онъ уже оказалъ себя, всѣ имъ довольны, и его хвалятъ; однако при всемъ томъ не можетъ достать мѣста. Время протекаетъ, лѣта прибавляются, не однократно ему предпочитали людей гораздо не столь искусныхъ; онъ то видитъ, духъ его ослабѣваетъ, досада начинаетъ оказываться, присовокупляется къ тому нетерпѣливость; онъ себя забываетъ, и желаетъ нѣчто предвидѣть о своей судьбинѣ.

Здѣсь мучитъ сїе любопытство человѣка, которой бы могъ и небезпокоить себя симъ промысломъ. Онъ уже 12 лѣтъ торговалъ. Что онъ ни предпринималъ, то удавалось по его желанїю. Онъ ревностенъ въ своихъ дѣлахъ, и барышъ всегда ему служитъ новымъ побужденїемъ къ усугубленїю его прилежанїя. Онъ часто исчисляетъ, сколько онъ уже приобрѣлъ себѣ богатства; однако то еще не достаетъ, чтобъ онъ могъ жить

 дохо-

доходами получаемыми отъ денегъ. Сїе намѣренїе дѣлаетъ его безпокойнымъ; онъ еще съ большею ревностью трудился бы денно и нощно, естьли бы онъ токмо зналъ то время, когда онъ достигнетъ до своего желанїя. Ему ничто не было бы трудно и тяжко, онъ бы все предпринималъ. Но сїе одно ево опечаливаетъ, что онъ о семъ времени увѣрить себя не можетъ.

Естьли я посмотрю на древнїя времена, то я нахожу цѣлую толпу народа, кои публично въ томъ упражнялись, что бы знать напередъ будущее. У нихъ было въ обыкновенїи обманывать себя и любопытство свое ничего не значащими вещами, пустыми представленїями и самымъ смѣшнымъ дѣломъ. Звѣзды и безсловесныя твари должны были притомъ вспомоществовать къ утоленїю любопыства и къ прикрытїю обмана. Такъ то можетъ человѣкъ

себя

себя мучить вещїю, которую онъ съ великимъ стремленїемъ узнать желаетъ; а надлежало было бы безъ числа воздавать Богу благодаренїе за то, что она отъ насъ бываетъ скрыта. Я считаю незнанїе будущаго между самыми драгоцѣнными дарами, коими божеское предвѣденїе одарило человѣка. Мнится что я основательное имѣю право удивляться неизреченному его промыслу. Мы бы безчетныя примѣтили не совершенства въ свѣтѣ, естьли бы человѣкъ зналъ напередъ будущїя приключенїя. Возможно ли примѣтить толь много добраго, прелестнаго, достопамятнаго, имѣющаго основанїе свое въ дѣлахъ человѣческихъ, какъ мы самымъ дѣломъ видимъ? Мы бы ничего не нашли въ такомъ состоянїи, какъ то нынѣ усматривается. Представимъ себѣ все то, что разумъ, остроумїе и прилежанїе человѣческое произвело. Было ли бы что приведено до такой степени, какъ то учинено

нено въ самомъ дѣлѣ? Сколько далеко не довело желанïе и ревность человѣковъ, коль многïя великïя дѣла предпрïяты слабою человѣческою рукою и коль великое множество тѣхъ, кои конца того не достигли? Были ли бы люди такъ неутомимы, толь постоянны, и такъ ли бы безпрерывно продолжали предпрïятïя свои, естьли бы они напередъ знали свою судьбину? Да испытываетъ всякой собственную свою склонность, то онъ будетъ о томъ увѣренъ. Ни науки, ни купечество, ни кораблеплаванïе, ни художества, ниже другïя вещи не были бы въ такомъ совершенствѣ, какъ ихъ мы нынѣ видимъ. Никакой бы человѣкъ не употребилъ толь много трудовъ и прележанïя, и толь бы много не придпринималъ, естьли бы онъ предвидѣлъ, какой тому конецъ будетъ.

И что я скажу о потомствѣ? коль мы многïя дѣла начинаемъ съ тѣмъ

тѣмъ намѣренїемъ, чтобъ оныя совершить? смерть насъ постигаетъ; потомство получаетъ отъ того пользу. Претерпѣвали ли бы мы толь великую трудность, естьли бы намъ слѣдствїе того было извѣстно? Удовольствїе или прибытокъ суть вообще побуждающее причины, для чего ни досадны, ниже трудовъ не жалѣемъ. Надежда къ постиженїю сего намѣренїя побуждаетъ человѣка отважиться на все возможное.

Однако смерть достигаетъ нечаянно, и то хорошо. Потомство находитъ открытую дорогу, и оную продолжаетъ съ такимъ же намѣренїемъ, какъ мы дѣлали. Такъ произрастаетъ доброе, и такъ всѣ вещи приведены въ нынѣшнее состоянїе; то касается къ нашему увеселенїю, что мы находимъ славныхъ ученыхъ и искусныхъ мужей въ нашихъ предкахъ. Они служатъ намъ примѣромъ, чтобъ мы потрудились вступать

въ

въ ихъ стези. Мы удивляемся ихъ дѣламъ, ревности, честности, достохвальнымъ ихъ поступкамъ, и предпрїятымъ ими дѣламъ для общей пользы. И сего бы мы не имѣли, естьли бы они о своей судьбинѣ напередъ были увѣрены. Мы всѣ имѣемъ непремѣнную склонность соблюдать жизнь, имѣнїе и продолженїе нашей выгоды такъ долго, до коихъ поръ возможно. Исторїя толь многихъ тысящъ лѣтъ мало такихъ мужей намъ представляетъ, кои бы все сїе оставили, дабы отечеству, друзьямъ своимъ и потомству истинныя показали услуги. Правда, что умеръ Регулъ Римлянинъ за своихъ земляковъ; но кто о прямыхъ причинахъ совершенно увѣренъ, кои къ тому его привели?

Достопочтеннѣйшее намѣренїе всевѣдущаго, въ коемъ твердо положено, чтобъ скрыть будущее отъ человѣковъ! Ничего бы намъ полезнѣе случиться не могло!

Въ семъ я упражнялся разсужденіи, когда напалъ на меня сонъ. Мысли, кои душа моя во бдѣніи себѣ вперила, раждали другія, и возбужденное воображеніе произвело сіе сновидѣніе: видѣлъ въ дальномъ разстояніи, которое на конецъ скрылось отъ глазъ моихъ въ великую темноту, стоящее на высокой горѣ строеніе, простирающееся выше облаковъ, и котораго инако видѣть не можно, развѣ когда вѣтръ облака разгонитъ. Я не могу сказать, для какой причины возымѣлъ я охоту самъ туда итти. Довольно, я туда пошелъ. Какъ я уже далеко отошелъ, то со стороны по другой дорогѣ подходило ко мнѣ отъ часу ближе великое множество обоего пола людей. По большой части были то люди старые и по виду скудные. Но я ни одного не нашелъ младенца, ниже веселаго лица. Иные выли, другіе показывали дѣйствіями своими чрезвычайную тоску и почти отчаяніе; у другихъ я изъ лица при-

мѣтилъ

мѣтилъ удивительное смѣшенїе радости и страха. Сихъ послѣднихъ признавалъ я по наружному ихъ виду за богатыхъ, или знатныхъ, либо по малой мѣрѣ здравыхъ. И по тому я удивился ихъ поступкамъ гораздо больше, нежели другимъ, кои либо блѣдными или нездоровыми показались. По приходѣ ихъ ко мнѣ, и когда я могъ лучше ихъ распознать, то я между ими нашелъ и такихъ, коихъ я предъ тѣмъ себѣ воображалъ въ бдѣнїи. Я ихъ спрашивалъ, куда они идутъ? Они мнѣ отвѣчали: къ тому строенїю, которое я на горѣ стоящее предъ собою вижу; что есть храмъ того божества, которое въ мїрѣ между людьми доброе и худое не равнымъ образомъ раздаетъ, и котораго удивительное правленїе причиняетъ имъ сїе сѣтованїе, чего ради они теперь принуждены у онаго спрашивать, что съ ними впредь будетъ. Сїе де божество обыкновенно называютъ судьбою.

бою. Я возымѣлъ охоту какъ самой храмъ видѣть, такъ и узнать будущее состоянїе сихъ людей, и отвѣтъ судьбы. И естьли сказать правду, что я и самъ почувствовалъ охоту, которой я никогда прежде не имѣлъ, чтобъ знать на передъ будущую свою судьбину. Сїе побудило меня итти съ ними далѣе. Мы стоя внизу горы и видѣли еще такоеже разстоянїе въ вышину, какое мы перешли по ровному мѣсту. Тутъ же было такъ много дорогъ, что мы бы не попали на истинную дорогу, естьли бы къ намъ не пришелъ Ангелъ. Сей привелъ насъ къ самому храму, которой былъ запертъ и окруженъ множествомъ Ангеловъ. Здѣсь мы нашли еще большее число людей, кои въ томъ же намѣренїи, какъ и мы, туда пришли. Ангелъ отперъ намъ храмъ. Мы туда вошли. Темнота, тишина представленїе не видимо здѣсь присудствующаго божества наполнило насъ ужасомъ и такимъ по-

 добо-

добострастїемъ, яко бы мы самое божество видѣли. Ангелъ показалъ намъ лежащую на жертвенникѣ большую книгу, въ которой написаны были имена всѣхъ людей, и при ихъ именахъ дѣла ихъ, которыя въ оной еще до рожденїя ихъ были записаны. Всякъ туда продирался, и старался другихъ предускорить. На конецъ дошла очередь и до тѣхъ, коихъ я зналъ. Какой то видъ! тотъ человѣкъ, которой еще двадцать лѣтъ жить думалъ, теперь увидѣлъ, что ему чрезъ нѣсколько дней умереть; онъ изумѣлся, и не желалъ уже больше смотрѣть. Другой, которой владѣнїемъ многихъ временныхъ пожитковъ сдѣлался честнымъ, знатнымъ и довольнымъ, усмотрѣлъ, что онъ въ короткое время того лишится; онъ оцѣпенѣлъ.

Красавица, которая толь много часовъ для будущей своей судьбины съ неудовольствїемъ проводила, спо-

знала,

знала, что остатокъ ея дней будетъ пріятнѣе, и она сдѣлается еще благополучною матерію знатной фамиліи. Она была тронута восхищеніемъ, и я могъ изъ веселаго ея лица ясно примѣтить радостное движеніе ея сердца.

Здѣсь печальной человѣкъ, которой самъ себя сдѣлалъ неблагополучнымъ, увидѣлъ, что ему еще много лѣтъ жить въ бѣдности должно. Какъ онъ прежде охотно желалъ знать свою судьбину, такъ онъ теперь сталъ безпокоенъ отъ того, что посмотрѣлъ будущее.

Дряхлой старикъ увидѣлъ, что ему еще 10 лѣтъ жить; онъ почувствовалъ досаду, которую его дѣти и внуки ему причинять будутъ; отъ худыхъ ихъ поступокъ, честь его и слава и знатность затмится въ потомствѣ. Сіе разрушаетъ его веселую жизнь, и дѣлаетъ остальные его дни горестными.

Ученой также запечалившись отошелъ. Онъ хотя и видѣлъ, что въ краткое время получитъ достойное мѣсто: но сїе увеселенїе не долго продолжится. Онъ только одинъ годъ имѣетъ пользоваться награжденїемъ за его прилежанїе и труды. Тогда всемогущество преселитъ его къ предкамъ.

Купецъ токмо съ принужденїя остался довольнымъ, торги его продолжаться будутъ; но онъ столько не наживетъ, чтобы ему можно было жить доходами своими. И такъ онъ видитъ, что не получитъ по своему желанїю; сїе дѣлаетъ остальную его жизнь не приятною.

Наконецъ и я пошедъ туда искалъ своего имени: нашедъ оное прочиталъ я бѣглымъ окомъ все то, что до нынѣ мнѣ приключилось; я дочитался до моихъ нынѣшнихъ обстоятельствъ, и увидѣлъ, что также

о мо-

о моихъ сочиненіяхъ было написано. Здѣсь я особливо сталъ прилѣжнее смотрѣть: я узналъ разныя объ нихъ мнѣнія читателей моихъ; нѣкоторые были разумны и основательны, а другіе происходили отъ зависти, и препровождаемы были худымъ намѣреніемъ. На конецъ предсказано мнѣ, что не лучше будетъ со мною, какъ съ тѣми, кои прежде меня такіе же сочиненія на свѣтъ издавали; что меня будутъ читать, но ничего больше какъ читать: я хотѣлъ еще далѣе смотрѣть. . . . но изъявленіе страстей, кои въ каждомъ человѣкѣ были свѣданною судьбиною, также рыданіе и вопль тѣхъ, которые оною были не довольны, прервали любопытство мое, и я отъ того проснулся. По краткомъ разсужденіи о семъ сновидѣніи помышлялъ тако: о блаженное незнаніе будущаго! въ тебѣ состоитъ часть истиннаго покоя сей жизни; ты дѣлаешь намъ бремя нашихъ дней и нашея

судьбины сноснымЪ; ты дѣлаешь, что мы сЪ неусыпною ревностiю при ласкательной надеждѣ предпринимаемЪ самыя важнѣйшiя дѣла, да и самая добродѣтель тобою хранится. Я никогда не желаю смотрѣть за завѣсь, которымЪ премудрое божество закрыло будущее.

СНОВИДѢНIЕ ВТОРОЕ

О правосудiи

На прошедшихЪ дняхЪ гулялЪ я вЪ саду, и по обычаю старыхЪ людей, не достигшихЪ до высокой степени щастiя и чести, я негодовалЪ на нечаянное повышенiе многихЪ, которые моложе меня, а особливо на неравное раздѣленiе имѣнiя, чести и прочихЪ житейскихЪ забавЪ. ВЪ сихЪ мысляхЪ я погружался, какЪ ночь меня застигла и разумЪ мой вникЪ вЪ прiятнѣйшiя разсужденiя.

Тогда

Тогда небо оказалось предо мною въ полной своей славѣ и представило мнѣ украшенной звѣздами приятнѣйшій видъ, которой можетъ себѣ вообразить тотъ, кто находитъ увеселеніе въ разсужденіи натуры. Въ то время была по случаю весьма студеная ночь, очистившая весь горизонтъ самымъ яснымъ и прозрачнымъ воздухомъ, сквозь которой видно было каждое созвѣздіе, и звѣзды блистали такимъ особливымъ сіяніемъ, что мнѣ показалось, будто я такой великолѣпной тверди никогда еще не видывалъ. Я не могъ взирать на толь удивительно украшенное и освященное зрѣлище безъ надлежащихъ разсужденій о Творцѣ, толь славныхъ и удивленія достойныхъ предмѣтовъ; ибо при такихъ случаяхъ философія подаетъ вѣрѣ новыя основанія, а вѣра сообщаетъ философіи увеселеніе.

Какъ скоро я пришелъ опять въ обыкновенное мое состоянїе и бодрость духа; то радуясь, что препроводилъ нѣсколько часовъ въ свойственномъ главномъ дѣлѣ разумной твари, возвратился я въ мое жилище, и желая успокоиться сладкимъ сномъ, едва только сталъ засыпать, то увидѣлъ я сонъ, или явилося мнѣ видѣнїе (ибо я не знаю, какъ мнѣ оное назвать), которое, какъ кажется, произошло отъ вечерняго моего размышленїя, и имѣло въ себѣ нѣсколько толь торжественнаго и важнаго, что я не могу преминуть, чтобъ оное не сообщить; но должно мнѣ признаться, чтобъ дикость вообраэенїя, которое во снѣ всегда бываетъ, не обузданно и неправильно, оказывается въ разныхъ частяхъ онаго.

Мнѣ казалось, что вижу я тоже ясное небо, украшенное прежними преславными свѣтилами, на которыя

не

не задолго предъ тѣмъ взиралъ я со удивленіемъ. Я разсуждалъ весьма прилѣжно о томъ небесномъ знакѣ, которой называютъ вѣсами, какъ въ ономъ вдругъ оказалось такое чрезвычайное сіяніе, яко бы солнце взошло въ полночь. При умноженіи пространства и блистанія онаго примѣтилъ я, что оно приближается къ землѣ, потомъ могъ я въ ономъ отличить нѣчто, что въ срединѣ безчисленныхъ лучей мерцалося подобное тѣни, и вскорѣ по семъ примѣтилъ, что то есть образъ женщины. Сперьва я себѣ воображалъ, что сіе можетъ быть Ангелъ, или Геній управляющей созвѣздіемъ, съ котораго онъ сошелъ; но прилѣжно разсматривая увидѣлъ въ немъ всѣ знаки, съ которыми обыкновенно представляется Богиня Правосудія. Лице ея было несказанно достопочтенное и величественное, и избранной красоты для тѣхъ, коихъ глаза сносили ея сіяніе, и на

оную

оную смотрѣть могли. Улыбка ея возхищалась радостію, и гнѣвное ея видъ наводилъ страхъ и отчаяніе. Она держала въ рукѣ зеркало, которое тѣ же имѣло свойства, что живописцы представляютъ въ рукѣ правды.

Отъ зеркала исходило сіяніе, которое отъ всего, Богиню окружающаго, блистанія наиболѣе отличалось, равно какъ лучь молніи блистаетъ въ ясной полдень. Когда она зеркаломъ потрясала въ рукѣ, тогда отъ сего освѣщались небо, воздухъ и земля. Сошедъ такъ низко, что земнородные могли ее видѣть и слышать, покрылась она для учиненія умѣренности въ чрезмѣрномъ отъ ея блистаніи, мглою и облаками, которые уменшили свѣтъ пріятною тѣнію и цвѣтами, и премѣняли прежнее толь сильное и всѣхъ ослѣпляющее блистаніе въ тихое сіяніе.

Въ то время весь міръ находился въ возмущеніи, и всѣ жители онаго собрались на пространное поле, которое, какъ мнѣ казалось, представляло каждую особу предъ глазами. Слышанъ былъ гласъ изъ облакъ, которой объявилъ намѣреніе сего прибытія, съ тѣмъ что всякой награжденъ быть имѣетъ по своему достоинству, и получитъ то, что ему по правамъ принадлежало. Страхъ и надежда, радость и печаль оказанные въ семъ великомъ собраніи, по такомъ торжественномъ объявленіи, изъяснить не возможно.

Первой приказъ такимъ образомъ былъ отданъ, что бы законнымъ владѣтелямъ, всѣ богатства и имѣнія, или нѣкоторая часть оныхъ, по правильному требованію каждаго, въ тотъ же часъ возвращены были. По семъ земные жители всѣ поднимали къ верьху доказательства владѣнія своего, либо на паргаментѣ, на

бумагѣ,

бумагѣ, на воску, или въ другой каковой формѣ. И какъ богиня двигала зеркаломъ правды, которое въ рукѣ своей держала, такъ что произшедшее отъ онаго сїянїе устремлялось на народъ, то она разсматривала при свѣтѣ онаго разныя доказательства и справедливость оныхъ. Лучи зеркала имѣли особливое свойство сожигать всякую ложь и обманчивость. Пламя пожирающее бумаги, растопленїе печатей, и трескъ отъ пар гаментовъ происходящей, представляли необыкновенное зрѣлище. Огонь иногда пожигалъ токмо двѣ или три строчки, а потомъ погасалъ; причемъ я примѣтилъ, что пламя особливо проходило въ промежуткахъ между строками и въ ложныхъ прибавленныхъ къ духовнымъ. Какъ зеркало и къ низу и къ верьху поворачивано было, то свѣтъ онаго проницалъ во всѣ темные углы и тайныя мѣста всего мїра, и открывалъ симъ способомъ многїя письма и доказательства-

тельства, которыя до нынѣ по случаю, или нарочно скрытыя, или зарытыя лежали. Сіе причинило удивительное возмущеніе въ народѣ. Въ тоже время все лихоимство обмана и насильственнаго грабежа, со всѣми прибытками неправильныхъ подарковъ и подкуповъ судей, въ преудивительную собралося кучу, которая почти до облаковъ достигала, и названа была горою возстановленія, къ которой всѣ обитатели призваны были, для полученія паки того, что имъ принадлежало.

Я видѣлъ множество людей, приходящихъ въ разодранной одеждѣ, кои мѣняли платье свое съ другими, пришедшими въ богатомъ убранствѣ. Разные зажиточные мѣщане, называемые Плумбами (*) или имъ подобные,

(*) Плумбами называются въ Англіи люди, которые владѣютъ капиталомъ 100 тысячь фунтовъ стерлинговъ, что дѣлаетъ на наши деньги полмиліона рублей.

ные, сдѣлалися людьми посредственнаго имѣнія. И многимъ другимъ, которые обогатились чрезмѣрно пожитками, не осталось больше обыкновенныхъ ихъ достатковъ. Наипаче во мнѣ произвело печаль то, какъ я увидѣлъ, что нѣкоторая улица (*), которая наибольшей кредитъ имѣла въ Европѣ, обанкрутилась съ одного конца до другова.

Второе было приказаніе, чтобъ отдалялись въ собственные свои породы. Какъ скоро сіе учинено, то объявленъ новой приказъ, чтобъ всѣ дѣти собрались къ истиннымъ отцамъ своимъ. Сіе привело великую часть собранія въ движеніе; ибо какъ зеркало навожено было на оныхъ, то возбуждало оно въ каждомъ натуральное стремленіе, которое влекло его къ настоящимъ родителямъ. Весьма

(*) Лумберъ называется въ Лондонѣ улица, гдѣ живутъ главнѣйшія купцы и Банкиры векселями торгующіе.

Весьма было печальное позорище смотрѣть на отцовъ высокой породы, лишившихся всѣхъ дѣтей, и на молодцовъ отягченныхъ множествомъ сыновей и дочерей. Здѣсь видно было, мнимой наслѣдникъ великаго имѣнія просилъ отеческаго благословенія у своего кучера, и прекрасная тоста (*) признала камердинера за своего родителя. Многія застарѣлыя въ холостьбѣ окружены были многочисленнымъ потомствомъ. Сія перемѣна родительства причинила бы великія жалобы, естьли бы бѣдствіе не было почти всеобщее, и естьли бы по большой части лишившіеся дѣтей своихъ не имѣли удовольствія видѣть оныхъ порученныхъ въ руки надежнѣйшихъ своихъ пріятелей.

Едва

(*) Тостъ называется въ Англіи всякая женскаго пола особа, которая для красоты и преизящныхъ своихъ качествъ славна, коей за здоровье пьютъ въ бесѣдахъ.

Едва только люди вступили въ право своего имѣнія и потомства, то уже отдано было третіе приказаніе: что всѣ чины и достоинства всего міра должны поручены быть особамъ великихъ заслухъ, особливаго разума и совершенства. Красивые, сильные и богатые выступили напередъ; но какъ они не могли сносить блистанія зеркала, падающаго на лице ихъ, то они немедлѣнно убирались назадъ въ народное множество. Богиня испытала все многолюдство посредствомъ зеркала, подобно какъ Орелъ дѣлаетъ съ дѣтьми своими на солнцѣ. Тогда было достопамятно, что каждой отвращалъ лице свое отъ зеркала, которой не самъ собою, либо добродѣтелью и науками, или способностію въ военныхъ и гражданскихъ дѣлахъ, разнился отъ другихъ. Сіе избранное общество соединилось въ срединѣ превеликаго множества, которое разсѣяно было по всѣмъ странамъ, и смотрѣло на избранныхъ,

бранныхъ какъ склоняющейся народъ собирается около полка, дѣлающаго военныя свои обученія. Избранныя раздѣлены были на три класса: въ первомъ находились добродѣтельные мужи, во второмъ ученые, а въ третьемъ къ управленію военныхъ и статскихъ дѣлъ способность имѣющіе.

Не возможно было смотрѣть на первое собраніе безъ сокровеннаго подобострастія. Важность ихъ вида была пріятна снисхожденіемъ, превосходна разсужденіями, смѣла намѣреніями, происходящими изъ внутренной склонности добродѣтели. Я примѣтилъ, что многія лицы между оными были не извѣстны, и не токмо вообще множеству, но и большой части всего собранія.

Въ другомъ изъ ученыхъ состоявшемъ собраніи произошли великія ссоры въ преимуществѣ, до приведенія ихъ въ порядокъ, къ чему они

 прежде

прежде не склонялись, пока не отдан был именной приказ от богини, которая управляла собранием. Она учредила таким образом, чтоб мужи великаго духа и превосходнаго разума поставлены были на переди. Позади их были такие, которые изощряли разум свой особливо по мнениям и сочинениям других; напоследи тех, которые больше учены нежели разумны. Все писатели ныне в некотором почтении находящиеся, стояли в одном из сих отделении. Но я должен признаться в моем изумлении, когда я увидел, что как худо принято великое число издателей, критиков, примечателей и учителей языков. Они собрались в кучу, и требовали весьма дерзновенно перьваго места между учеными. Но богиня вместо исполнения по прошению их, одела их в ливреи и приказала признавать их за служителей ученых мужей.

Въ третьемъ отделенiи находились мужи имеющiе способность къ военнымъ и гражданскимъ деламъ. Перьвые отделялись отъ прочихъ, и становились напередъ, при чемъ другiе хотя качали головами, одинако не признали за полезное спорить съ перьвыми о месте. Я ни какъ не могъ преминуть, чтобъ не сделать разныхъ примечанiй о семъ последнемъ отделенiи; но я имею особливыя причины, которые меня удерживаютъ объявить оныя явно.

Для исполненiя приказа, чтобъ все места чести достоинства и доходовъ снабдены были достойными мужами, выбирали изъ каждаго отделенiя такихъ, которые были первые во всехъ трехъ свойствахъ въ некоторомъ градусе, и оные получили места перьваго рангу. Второй выборъ касался до техъ, кои имели два свойства, и сiи получили места втораго рангу. Последнiе одаренные

токмо однимъ изъ сихъ свойствъ, имѣли также пристойныя себѣ мѣста. Какъ сїе миновалось, то еще остались многїя важныя и доходныя мѣста, для которыхъ снова выбрали изъ около стоящаго множества такихъ, кои либо оказывали нѣкоторой видъ сихъ превосходныхъ свойствъ, или по представленїю такихъ, которые имѣли оныя дѣйствительно.

Всякой изумлялся, видя толь многихъ новыхъ особъ въ высочайшихъ чинахъ; и я былъ весьма доволенъ, что всѣ мои прїятели либо остались при прежнихъ достоинствахъ, или повышены.

Какъ Богиня правосудїя отпустила мущинъ, и оные разошлись, то вдругъ покрылось все поле женщинами. Толь прїятное множество наполнило мой духъ несказаннымъ увеселенїемъ; и какъ небесное сїянїе изъ

зеркала

зеркала освѣщало ихъ лица, то разныя изъ нихъ больше казались быть принадлежащими къ свитѣ Богинѣ, нежели приведенными предъ судъ ея. Лепетанiе языковъ и замѣшательство голосовъ въ семъ новомъ собранiи было такъ велико, что Богиня принуждена была нѣсколько разъ приказывать съ строгостiю, чтобъ молчали. Наконецъ она вперила ихъ мысли въ свои законы. Они всѣ на то согласились, что предъ Богинею должно рѣшиться самому важнѣйшему дѣлу, которое, какъ всякому извѣстно, состоитъ въ рангѣ. Сiе произвело между ими безчисленныя ссоры, и привело всѣхъ въ возмущенiе. Каждая предлагала свое право, и защищала свои требованiя. Я слышалъ со всѣхъ сторонъ, что говорили о породѣ, красотѣ, разумѣ и богатствѣ.

Нѣкоторые похвалялись достоинствами мужей своихъ, другiя собственною своею властiю повелѣвать

оными. Иныя приводили въ безпорочное свое дѣвство, другія безсчетное свое потомство. Нѣкоторыя высоко себя почитали тѣмъ, что они матери; а другія, что дочери знатныхъ особъ. Ни единаго не было совершенства, которое бы не упомянуто осталось. Все собраніе упражнялось въ пѣніи, танцованіи, въ принужденныхъ движеніяхъ, умильныхъ взглядахъ, улыбаніи, вздохахъ, махааніи, и во всѣхъ подобныхъ способахъ, которыя обыкновенно употребляютъ женщины, для уловленія сердецъ человѣческихъ.

Для прекращенія сихъ споровъ приказала Богиня стать каждой въ приличномъ красотѣ ея мѣстѣ. Симъ объявленіемъ все собраніе чрезвычайно было довольно. Всѣ стапились, и оказывали себя въ полной красотѣ. Почитающія сами движенія своего тѣла за прелестныя, нашли тотчасъ случай показать себя въ

пристой-

пристойнѣйшемъ видѣ. Имѣющїя красивую шею и грудь были чрезмѣрно любопытны смотрѣть чрезъ голову всѣхъ прочихъ, и разсуждать объ отдаленнѣйшихъ частяхъ собранїя. Многїя клали руку на лобъ, яко бы желая изъ подъ руки удобнѣе смотрѣть на Богиню сїянїемъ окруженную, а въ самомъ дѣлѣ для показанїя нѣжныхъ своихъ рукъ. Еще большее было удовольствїе для женщинъ, какъ они услышали, что каждая въ рѣшенїи сего великаго пренїя должна быть сама себѣ судьею, и занять бы мѣсто по своему мнѣнїю, посовѣтовавшись прежде съ зеркаломъ Богини.

Потомъ Богиня спустила зеркало правды на золотой цепочкѣ, у котораго по той мѣрѣ, какъ оно опускалось ниже, и приближалось къ глазамъ зрительницъ, отъ часу болѣе прибывало блистанїя. Зеркало имѣло особливое сїе свойство, что истребляло всякой ложной видъ, и предста-

вляло въ прямомъ ихъ существѣ. Всѣ женщины были представлены не по обыкновенному ихъ наружному, но въ такомъ образѣ, которой наипаче сходствуетъ съ настоящимъ ихъ свойствомъ. Кратко сказать, превосходящая всѣхъ прочихъ совокупно во всѣхъ женскихъ совершенствахъ сдѣлалась прекраснѣйшею, а во всемъ недостаточная дурнѣйшею. Богиня перемѣняла движенïе зеркала толь часто, и ставила оное въ толь различное сïянïе, что каждая могла въ него поглядѣться.

Не возможно описать негодованïя, удовольствïя или изумленïя, которое оказалось на каждомъ лицѣ при его представленïи въ зеркалѣ. Многïя ужаснулись о собственномъ своемъ лицѣ, и разбили бы зеркало, естьли бы могли достать оное. Многïя видѣли, что цвѣтущая ихъ красота увядаетъ, какъ въ оное глядѣлись, и самолюбïе ихъ перемѣнялось въ

гнус-

гнусность и презрѣніе. Женщина, которую почитали за весьма пріятную въ ея гнѣвѣ, и хвалили для живаго ея духа, пужалась собственнаго своего образа, и думала, что она видитъ фурію въ зеркалѣ. Любительница корыстолюбная видѣла въ мѣсто себя гарпію, и ухищренная любовница совершенную перемѣну пріятностей своихъ. Но я также имѣлъ при томъ увеселеніе видѣть нѣкоторыхъ еще въ большемъ совершенствѣ, коихъ я уже прежде почиталъ самыми совершеннѣйшими. Я примѣчалъ, что нѣкоторое малое число оныхъ изумлялись собственнымъ своимъ прелестямъ отъ кротости, и что другія препорводившія жизнь свою въ уединеніи и въ иноческомъ воздержаніи явились во всѣхъ приятностяхъ и прелестяхъ сего свѣта. Явленіе нѣкоего лица въ зеркалѣ привело меня предъ протчими въ величайшее удивленіе; ибо я оное почитаю за прелестнѣйшей предмѣтъ,

которой во всю свой жизнь видѣть мнѣ случилось. Было нѣчто въ ономъ лице больше человѣческаго. Очи были такъ наполнены сїянїемъ, что кажется украшали каждую вещь, на которую глядѣли. Лице цвѣтущею юностїю оживленное казалось не такъ признакомъ быть здравїя, какъ безсмертїя. Ростъ, образъ и все состоянїе сей особы были таковы, что оными отличали отъ всего собравшагося красиваго пола.

Я съ нетерпѣливостїю желалъ увидѣть женщину, представленную въ толь божескомъ образѣ; и я примѣтилъ, что она стоитъ подлѣ меня по правую руку. Она была малая старушка, которая въ цвѣтущихъ ея лѣтахъ была ростомъ около пяти футовъ, хотя нынѣ росту ея убавилось почти на три четверти сей мѣры. Лице ея покрыто было морщинами, а голова сѣдыми волосами. Я во все время наблюдалъ безвинную

весело-

веселость въ ея лицѣ, которая возвысилась до восторгу, какъ она смотрѣлась въ зеркало. Еще было особливое обстоятельство въ моемъ снѣ, о коемъ не могу, чтобъ не упомянуть: я почувствовалъ въ себѣ толь великую къ ней склонность, что вознамѣрился учинить предложенiе на ней женишься, какъ она вдругъ отъ меня удалилась. Ибо отдано было въ то самое время приказанiе, чтобъ всѣ, которые своимъ лицемъ довольны, одѣлись отъ протчихъ и становились бы на передъ своего полу.

Потомъ сiе отборное множество раздѣлено было на три части, а именно: въ первой были дѣвицы, во второй замужнiя жены, а въ послѣдней вдовицы. Жены стояли въ срединѣ, имѣя по правую руку дѣвицъ, а по лѣвую вдовицъ. Однако весьма трудно происходило, что обѣ послѣднiя части становились не въ срединѣ; но какъ сiе отдаленiе тѣхъ,

кото-

которые понравились дѣйствительными внутренными своими качествами, уменшило число цѣлой главной части не такъ чувствительно, какъ бы желать было можно: то Богиня, поднявъ свое зеркало, почитала за полезное, учинить новое отдѣленїе между тѣми, кои удивительнымъ въ зеркалѣ лицемъ своимъ были не довольны Она издавала разные полезные законы, но оныхъ не могу я всѣхъ вспомнить; я помню токмо два, которые истинно были чрезвычайны, и съ великою строгостїю произведены въ дѣйство. Намѣренїе ея было учинить примѣръ наказанїя за двѣ между собою противныя погрѣшности въ женскомъ полѣ, а именно: за весьма строгое поведенїе разсуждать о другихъ, и за собственное пренебреженїе въ поступкахъ своихъ. Того ради Богиня отдала перьвой приказъ, чтобъ всѣ женщины, вдавшїеся въ хуленїе, оклеветанїе другихъ онѣмѣли, которое тяжкое наказанїе

для

для преступницЪ, какЪ то должно быть при всѣхЪ наказанiяхЪ, было довольно сильно для истребленiя сего порока. Послѣ сего приказа, которой какЪ скоро объявленЪ, такЪ скоро по немЪ исполнено, утихЪ шумЪ вЪ собранiи. Печально было зрѣть толь многихЪ онѣмѣлыхЪ, бывшихЪ прежде вЪ славѣ строгой добродѣтели. Женщина, стоящая подлѣ меня, видѣвЪ мое соболѣзнованiе, говорила мнѣ: я дивлюсь, какЪ ты можешь изумиться такимЪ негоднымЪ. ИзЪ качанiя ея головы примѣтилЪ я, что она хотѣла говорить о качествахЪ, за которыя то наказанiе чинится; но какЪ она ничего больше не сказала, то я понялЪ, что она лишилась власти надЪ своимЪ языкомЪ. Сiе бѣдствiе весьма почувствовали тѣ женщины, которыя отличены именемЪ разумныхЪ, учтивымЪ называнiемЪ женскихЪ лицемѣрокЪ, кои легкимЪ образомЪ оказываютЪ

ютъ свою добродѣтель тѣмъ, что другихъ порочатъ.

Второе приказанїе было отдано для похотливыхъ женщинъ, въ такой силѣ, чтобъ всѣ кравшїяся въ опасность жизни своей быть беременными; тотъ же часъ таковыя и стали. Сїе причинило изрядной видъ, и открыло многїе худые поступки, для которыхъ онѣмѣлыя женщины наипаче сожалѣли о невладѣнїи своимъ языкомъ. Однако, какъ зло рѣдко одно бываетъ, сїе новое слѣдствїе коснулось также и до многихъ онѣмѣлыхъ. Женщины находились теперь въ такихъ обстоятельствахъ, что недоставало бы для нихъ мѣста, естьли бы поле не было обширно, для раздѣленїя и расширенїя родовъ на всѣ стороны. Я весьма соболѣзновалъ, видя такое множество красавицъ, либо нѣмыхъ, либо беременныхъ. Но духъ мой паки успокоился, какъ я усмотрѣлъ, что они

согласились на распоряженіяхъ, для прикрытія таковаго нещастія. Между прочимъ положено, чтобъ всѣ народы приняли сіе узаконеніе, чтобъ дитя родившееся въ седьмомъ мѣсяцѣ послѣ бракосочетанія, признавать за законное, и что печаль о смерти мужа можетъ продлить родины до четвертаго надѣсять мѣсяца.

Сіе привидѣніе продолжалось до самаго того часа, въ которой я обыкновенно просыпаюся, что учинилось съ нѣкоторымъ восторгомъ, видя одного себя, и препроводивъ всю ночь въ такомъ ужасномъ многолюдствѣ. Я не могъ безъ удивленія помышлять о пристрастіи и странности моего привидѣнія, которое по мнѣнію моему причинило лѣпому полу превеликую обиду. Естьли добродѣтель въ мущинахъ почтенія достойна, то въ женщинахъ достойнѣе она любви. Мильтонъ выразилъ сіе преизрядно въ своей кни-

гѣ называемой потерянный рай. Адамъ говоритъ такъ о Еввѣ; и пришедши онъ, яко первой въ созданіи и во внутреннихъ свойствахъ, собственныя ея превосходства, изъясняется въ слѣдующемъ восторгѣ: ,,Когда созерцаю ея: то кажется ,,мнѣ столь совершенна, и столь ,,исполненна разумѣнія правъ сво- ,,ихъ; что все, что хощетъ дѣ- ,,лати, или говорити, является ,,быти премудро, добродѣтельно, ,,разумно и наилучше. Знаніе умол- ,,каетъ въ присудствіи ея: прему- ,,дрость бесѣдующая съ нею пони- ,,жается, и подобна бываетъ нера- ,,зумію. Власть и разумъ провож- ,,даютъ ея, такъ, что кажется ,,быти рождена въ помышленіи Бо- ,,жіемъ не зависимо отъ меня, дабы ,,ей первенствовати. На конецъ прі- ,,ятности изобрали себѣ жилище въ ,,любезномъ лицѣ ея, и поставили ,,окрестъ, какъ стражу ангельскую, ,,почтеніе и страхъ,,.

СНОВИ-

Сновиденіе третіе.

О чувствительности бездушныхъ вещей.

День былъ самый прекрасный, коему подобнаго, сколько помятую, никогда я не видывалъ, какъ пошелъ я прогуливаться въ садъ, великимъ множествомъ разныхъ родовъ рѣдкихъ произрастѣній украшенной. Садовникъ показывалъ мнѣ оныя весьма охотно, а особливо тѣ, которыя онъ самъ растилъ. Я разсматривалъ ихъ съ особливымъ увеселеніемъ; паче всѣхъ показалося мнѣ то, коего листы отъ прикосновенія рукъ въ мгновеніе ока сжимаются, а потомъ по малу паки распущаются, и въ прежней свой видъ приходятъ. Мнѣ пришло на умъ, что я нѣкогда читывалъ, что сіе сжиманіе листовъ отъ испытателей естества приписывается исхожденію паровъ изъ рукъ нашихъ, и сіе побудило меня

дотронуться до нихъ палочкой, по чему тожъ самое дѣйствiе, хотя отъ малыхъ ударовъ не такъ сильно, какъ отъ жестокихъ и отъ прикосновенiя рукъ послѣдовало. Сiе привело меня въ размышленiе, что не столь испущенiе паровъ, какъ болѣе сiе причиною тому, что рука сильняе прикасается къ листамъ, и имѣетъ болѣе теплоты. Въ то же самое время показали мнѣ поблеклые листы сего произрастѣнiя, кои погублены человѣческимъ любопытствомъ: ибо извѣстно, что отъ частаго прикосновенiя они увядаютъ.

Тихое увеселенiе, свойственное уединенiю спокойнаго нрава, проводило меня подъ сѣнь древесъ, гдѣ я сѣдши почувствовалъ нѣкоторой родъ унынiя, имѣющей не знаю что то въ себѣ прiятное; унынiе такого свойства, отъ коего испытатели естества не удаляются, но сами его ищутъ. Будучи восхищенъ видѣнiемъ

нїемъ столь различныхъ красотъ, вскричалъ я съ глубокимъ воздыханїемъ: почтожъ естество не могло даровать сему великолѣпному творенїю нескончаемую бытность? Сїи прекрасные цвѣты, на кои я взираю, едва родятся, паки скончеваются, а приближающейся зимѣ болѣе и слѣдовъ красотъ ихъ не обрящешь. Многїе изъ нихъ совсемъ умираютъ, и бытность свою сообщаютъ произрастающимъ изъ сѣмянъ ихъ; они же бытности своея уже не возымѣютъ, и ихъ болѣе нѣтъ; размышленїе печальное! Вскорѣ по томъ сомкнувъ мои очи заснулъ. Во время сна показалося мнѣ, будто бы я былъ въ саду, котораго драгоцѣннѣе никогда не видывалъ. Паче всего удивился, увидѣвъ тамъ такїя деревья, кои могли говорить; а еще и того удивительнѣе мнѣ показалось, что они говорили такимъ языкомъ, котораго хотя ни съ какими человѣческими рѣчами сравнить не мо-

жто, однако я его разумѣлъ. Сіи деревья никогда такъ не бываютъ словоохотны, какъ во время вѣянія вѣтра: ихъ шумъ показался мнѣ таковъ, какъ бы великое множество собравшихся женщинъ, разсказывающихъ одна другой пороки ихъ домочадцовъ. Мнѣ не возможно припамятовать всего, что сіи деревья говорили: нѣкоторыя стонали отъ великаго зноя, другія жаловались, что онѣ весьма мало питія имѣютъ, а иныя на вѣтръ, кой препятствуетъ имъ покоиться. Индѣйскія опасались, чтобъ не замерзли, родившіяся въ томъ саду по большой части казалися быть спокойными, особливо же радовались, въ то время въ полномъ цвѣтѣ находившіеся. Дерево чрезвычайной красоты, по срединѣ сада стоящее, возбуждало любопытство мое наиболѣе. Вмѣсто того, что у прочихъ деревъ каждой листъ говорилъ нѣчто особливое, то у сего все вдругъ одно говорили. Здѣсь то, сказалъ я,

есть

есть согласіе всего различнаго, слѣдовательно и самое большее совершенство. Подлинно другъ мой, отвѣчало дерево, я между всѣми деревьями наисовершеннѣйшее, по тому, что естество даровало мнѣ болѣе силы въ языкѣ, нежели всѣмъ протчимъ: однако моего языка никто изъ васъ не разумѣетъ. Сіе нѣкотораго изъ вашего рода, посѣщающаго сей садъ, побудило сказать: естество весьма тихимъ голосомъ говоритъ для глухихъ.

О! любезное дерево, вскричалъ я, объяви мнѣ, какимъ образомъ вы и вамъ подобные говорить можете? А наши произращенія не только нѣмы, но и нечувствительны какъ каменья. Симъ я вамъ услужу, былъ онаго отвѣтъ; но вы сами тому виновны, что насъ не разумѣете. Поизрастѣнія въ вашемъ свѣтѣ говорятъ также, они другъ друга разумѣютъ; но говорятъ такимъ языкомъ, для коего чувство ваше есть слабо; хо-

тя сказать и можно, что ихъ голосъ тверже вашего; ибо часто бываетъ, что дерева изъ разныхъ садовъ, не имѣя никакого сходьбища, женятся, и дѣтей раждаютъ; однакожъ и въ томъ не хочу я спорить, что при нашемъ супружествѣ много дѣлается случаемъ, равномѣрно какъ и при вашемъ; по тому что вѣтръ иногда приноситъ мужескія сѣмена на женскія произрастѣнія. У насъ то вѣтры, что у васъ страсти, отъ которыхъ вы въ движеніе приводитеся. Сверьхъ того вы и въ томъ весьма погрѣшаете, думая, яко бы мы никакого чувствія не имѣли. Есть у насъ и такія чувствія, коихъ нѣтъ у животныхъ; но неуповательно, чтобъ я могъ васъ объ оныхъ увѣрить, какъ то и вы не можете научить слѣпорожденнаго познанію цвѣтовъ; а только я вамъ донесть въ состояніи, что имѣемъ мы два чувства равныя съ вашими, то есть вкусъ и осязаніе. Во время

великой

великой засухи въ недостаткѣ дождя жаждемъ мы также какъ животные, а когда дождь идетъ, то мы напояемся съ веселіемъ. Навозъ подаетъ намъ наипріятнѣйшую пищу, да такую пищу, отъ которой мы бываемъ любострастны, какъ ваши молодые господчики отъ шоколада. Вы бы оное легко отгадать могли, естьлибъ по прилежнее насъ посмотрѣли. Однако я сіе легко вамъ прощаю, слышавъ, что между вами въ домахъ многія безумства происходятъ, которыхъ не знаемъ; а что въ садахъ вами дѣлается, оное намъ довольно извѣстно. Но сіе мнѣ кажется странно, что вы о нашемъ осязаніи сомнѣваться можете, видя тому у нѣкоторыхъ изъ насъ столь ясные опыты. Сіе безспорно, что мы не все равно чувствительны: но животные таковы же. Да и вамъ не надлежало бы сему много удивляться, вѣдая, что кузнецу горячей уголь въ руку взять не трудно, которымъ

нѣжная женщина обжигается, и тако прошу я васъ именемъ всѣхъ родовъ произрастѣнiй, у коихъ я около трехъ сотъ начальникомъ нахожуся, впредь не поступать съ ними столь свирѣпо, какъ вы по нынѣ поступали. Вы похищаете нашъ цвѣтъ, не думая, что намъ оное столькожъ болѣзненно, какъ бы у васъ нѣчто оторвать, что вамъ дражайшее у всего вашего тѣла. Я подлинно знаю, естьли бы вашимъ дамамъ сказали, какое то срамное дѣло, сорвать розу; они бы постыдилися впредь учинить тоже. Правда, что мы отъ исхожденiя паровъ изъ ихъ персей получаемъ нѣкоторую пищу: но сего малаго утѣсненiя не описаннымъ жаромъ сего же самаго мѣста мы скоро опять лишаемся, и съ честною розою тоже бываетъ, какъ со злодѣемъ, кой будучи поведенъ на казнь, напередъ что нибудь принимаетъ для укрѣпленiя сердца. Хотя и есть милосердiе, чтобъ класть цвѣты въ

воду,

воду, однако для насЪ то не великая радость; подобно какЪ ежели бы нѣкая изЪ вашихЪ прекраснѣйшихЪ дамЪ посажена была вЪ темницу инквизицїи, и водою и хлѣбомЪ питаема была, дабы только сгарающему по ней инквизицїонному судьѣ, возможно было зрѣнїемЪ когда на нее имѣть увеселенїе, понеже вЪ ближнїй сЪ нею союзЪ вступить ему не возможно. СкажитежЪ вашимЪ товарищамЪ человѣкамЪ, сколько мы кЪ нимЪ благодарности имѣемЪ, и сколькожЪ мы готовы имЪ нашихЪ дѣтей и наши плоды уступать тогда, когда приближится время рожденїю, и они сами собою свалятся Мы весьма знаемЪ, что не многїе изЪ нашихЪ дѣтей имѣютЪ щастїе при рожденїи ихЪ упадать на такую землю, которая бы ихЪ питать могла; чегожЪ бы ради ненавидѣть намЪ вашего увеселенїя, и не отдавать ихЪ устамЪ вашимЪ на скорую смерть, когда они и безЪ того у ногЪ на-

 шихЪ

шихъ согнить принуждены По сему будтежъ и вы благодарны, и не погубляйте насъ прежде нашея смерти. Довольствуйтесь умершею нашею братїею, и удостойте ихъ погребенїя Римскихъ воиновъ, сожигая ихъ въ печахъ и на комляхъ. Не почитайте насъ живыхъ, яко колдуновъ, и помилуйте насъ отъ такой противной судьбины. Не употребляйте надъ нами военнаго права, понеже мы имѣемъ всегда миръ въ мысляхъ. Когдажъ вамъ безъ того обойтиться не возможно, то пощадите хотя наше юношество, пощадите насъ хотя собственныя пользы ради; подлинно знайте, что будетъ время, въ кое естество неправость сїю несносною стужею карать будетъ. Я хотя и признаваюсь, что нѣкоторые изъ вашего рода столько уже умны стали, что молодыхъ деревъ не посѣкаютъ безъ разсужденїя; но напротивъ того они допускаютъ, чтобъ вытравлены были скотомъ; а хотябъ сїе и запре-

претилося, что отъ надзирателей чинится упущенїе. Какожъ сравненїе между сдѣланнымъ вами намъ добромъ, и между оказываемымъ вами намъ мучительствомъ. Какъ дерево сїе сказало, то потряслось оно такъ сильно, что одинъ его сукъ переломясь упалъ предо мною на земь, отъ чего я испугавшися проснулся.

Сновидѣнїе четвертое

Храмъ натуры и щастїя.

Какъ предъ нѣсколькими днями вышелъ я изъ одной компанїи, гдѣ мы о неизвѣстномъ, не равномъ, и по видимому несправедливомъ раздѣленїи щастїя даровъ, въ человѣческомъ обществѣ столь не рѣдко усмотренныхъ, роптанїе и неудовольствїе противъ судьбы Божїей возбуждающихъ, рѣчь заводили; то впалъ я чрезъ то въ великїя размышленїя, съ которыми забывшись уснулъ крѣпкимъ

кимъ сномъ на постелѣ; но какъ обыкновенно наши дневныя мысли раждаютъ воображенія, кои намъ во снѣ видятся, то показалось мнѣ, какъ будто бы я въ преддверіи нѣкоего зданія находился, которое великимъ храмомъ мнѣ быть казалось. Любопытство мое побудило меня во оной войти, гдѣ увидѣлъ я тотчасъ, что тутъ два разныхъ храма, одинъ за другимъ стояли, которые широкимъ и длиннымъ ходомъ одинъ отъ другаго отдѣлялись. Въ самой дали перваго храма сидѣла на низкомъ тронѣ женщина, коея большая часть обнажена была, а сама она имѣла видъ милостивый и снисходительный, которую я, хотя бы имя оной на нѣдрѣ ея и не было начертано, тотчасъ бы призналъ за натуру. Великое множество народа, мѣсто сіе вокругъ наполняющее, куда всякъ напередъ продраться употреблялъ стараніе, желая въ другой храмъ внити; они обращались сперва къ помянутой женщинѣ,

щинѣ, которая, какъ казалось, благости свои, яко бы на равныя части раздѣляла; по тому что она всякому даруя искуство, между тѣмъ и нѣкакой порокъ или безумство присовокупляла. Какимъ случаемъ большая часть людей другъ другу почти уподоблялись; по томъ были они предпоручаемы попеченію прекрасной женской особѣ, стоящей у ней по правую руку, у коей на лбу слова, *доброе воспитаніе*, изображены были. Сіяжъ подобно горячей матери давала наставленіи онымъ времянно, и какъ пользоваться доброми дарованіями, отъ натуры имъ данными. Она вела ихъ путемъ *дѣтство* названнымъ; а по томъ давала власть, предложенными имъ правилами, по ихъ благоволенію, или пользоваться, или опровергать оныя. По лѣвую сторону *натуры* стояла другая женщина, съ открытымъ и скучливымъ лицемъ, коея видъ, испорченными похотьми, и подражаніемъ пороковъ,

роковъ, уже обрюзглымъ быть казался; въ прочемъ была она одѣта изрядно и весело, и привлекала льстивымъ своимъ обольщенiемъ и взаимною благоприятностiю многихъ на свою сторону, а имя ея было *Злое воспитанiе*. Сiя во всемъ другой противно поступающая женщина, казала имъ непрестанно разныхъ видовъ роскоши и выгоды, кои они изъ исполненiй ихъ природныхъ пороковъ наслѣдовать могли, и старалась угасить самое воспоминовенiе добродѣтелей, въ одно время имъ отъ натуры дарованныхъ.

Я пошелъ означеннымъ путемъ съ прочими соединясь, и достигъ онымъ до другаго храма, называемаго храмъ щастiя. Въ задней части онаго сидѣла очень высоко отъ земли Богиня слѣпая; близъ ея стояла машина, подобная лотерейной; она вертя оную непрестанно, вынимала изъ оной произвожденiе, богатство,

и

и чины, и раздавала оные безъ разбору многимъ, кои только къ ней приближиться могли. Открытой путь къ ея сѣдалищу былъ широкъ, только гораздо крутъ, а при томъ и вершина онаго, имянуемая *Заслуга*, была болотна. Многіе старались путемъ симъ въ верьхъ взойтить; токмо за тѣмъ, что онъ былъ склизокъ, намѣренія своего не достигали: но что меня наиболѣе во удивленіе привело, то было сіе, что я на верху оной многихъ получающихъ дары щастія, коими Богиня изъ своея машины одѣляла, видѣлъ, что они не такъ какъ протчія на верхъ горы восходили; однако тайна сія скоро открылась. Какъ я глаза мои ниже опустилъ, и подъ горою три маленькія потаенныя двери усмотрѣлъ, кои слѣдующую надпись имѣли: *доброе щастіе, знатность фамиліи, и подкупленіе деньгами*. Тутъ то многіе люди подходили, и скрытыми круглыми лѣсенками

ками были провождаемы. У послѣдних двух дверей было болѣе нежели у первых, и люди ими идущїе, казались, будто б сами не зная куды порываемы были, и удивлялись много, видя себя, против всякой вѣроятности и чрез способы, другим погибель причинившими временщиками щастїя учинившихся. Весьма весело было мнѣ на то смотрѣть, как я разные пути прилѣжно разсматривал, коими шли люди, что выгоды, которыми тут наслаждались, весьма неправедчым образом прїобрѣтены были, ибо не смотря на то, что мнгїя им от натуры данныя дарованїя, к снисканїю тѣм себѣ щастїя, предоказывали; однако казалось, как будто бы они очень мало на то смотрѣли.

Выгодыж, путем *добраго щастїя* снискиваемыя, были от части принадлежащим, а от части

и не принадлежащимъ образомъ делены; а тѣ, что путемъ *знатности фумилїй* приобрѣтаемы, были по большой части смѣху достойны. Сею дорогою происходили трусливые люди въ полководцы и герои. Родственникъ знатнаго и богатаго господина, промотавшїй собственные свои пожитки, опредѣлялся въ должность, гдѣ ему управленїе публичныхъ доходовъ препоручаемо было. У инова братъ, препроводившей часть жизни своей во всякихъ порокахъ и заблужденїяхъ, дослужился до нѣкакого ордена, и получа наиприбыльнѣйшее мѣсто, дѣлался съ прегремлющимъ проклятїемъ исправителемъ правовъ. Словомъ: я примѣтилъ,

что всякой путемъ симъ случайнымъ пробравшейся, безъ наималѣйшаго искусства во всѣхъ трехъ показанныхъ чинахъ, знатной роль, на счетъ другихъ, играть умѣлъ; но самыя посрамительныя и роду человѣческому опаснѣйшія произшествія были тѣхъ, что дверьми *подкупленія* проходили, которыя всегда на щетъ отворены стояли, и вели къ весьма темному и грязному пути, гдѣ множество, туда сквозь продирающихся, одною рукою деньги раздавали, а другою вдвое назадъ къ себѣ загребали, до тѣхъ поръ, пока до самаго трона щастія доходили. Я увидѣлъ нѣкоторыхъ, которые прежде къ похвалѣ чистоты весьма бы-

ло

ло пріобыкли, а напослѣдокъ, какъ стали толь не чистыми путями проходить, то такія гадкія и срамныя лицы у нихъ сдѣлались, и въ такомъ зловонномъ состояніи они находились, что и всего свѣта океанъ, къ прежнему ихъ очищенію и омовенію не доставалъ бы. Но не смотря на весь тотъ прилипшей къ нимъ дрязгъ, были они еще щастіемъ въ знатнѣйшихъ степеняхъ достоинства и чиновъ взысканы; заслуги же у ихъ патроновъ почитались за новомодныя рѣчи, которыя иногда только для благопристойности во употребленіи были. Между тѣмъ примѣчать надлежало, что ежели которые знатные дары

щастїя, какимъ бы то образомъ ни было, получили, то слѣдовали онымъ многїе и другїе, которымъ они либо льстили, или противились, дабы тѣхъ прїобрѣтеннаго ими добра лишить, такъ что напослѣдокъ, ежели всѣ другїе способы имъ не удачливы были; они и то въ дѣйство полагали, что бы имъ камни претыканїя на дорогахъ подкинуть, которыхъ не можно иначе какъ съ самою крайнею осторожностїю и мудростїю избѣжать. По тому что и наискуснѣйшїе министры, генералы и прочїе любимцы, чаявшїе очень мало, съ великою опасностїю шею себѣ сломить, съ крутой вышины низвергаемы были; только что всего хуже

хуже было то, что нѣкоторые по многотрудномъ стараніи взошедши дорогою заслуги уже очень высоко, и за добродѣтель и ревность свою надѣясь обрѣсти какое должное воздаяніе, со всѣмъ тѣмъ на конецъ намѣренія своего не постигали, а нечаянно ихъ оное миновавъ, давалось недостойнымъ, кои предъ ними чрезъ легчайшіе, но не такъ приличные способы скочки дѣлать отважились; нѣкоторые хотя и были въ стараніяхъ своихъ на семъ пути щастливы, составляли знатныя особы, и въ чинахъ ими заслуженныхъ и столь праведнымъ образомъ пріобрѣтенныхъ были образцами истиннаго достоинства; однако такихъ примѣровъ было

ло очень мало къ побужденїю меня въ малыхъ моихъ заслугахъ щастїя своего симъ путемъ поискать: и такъ вознамѣрился я дорогой добраго щастїя итти, что мнѣ сперьва и удалось; ибо взошедши на верьхъ думалъ я, что отъ Богини знатнымъ повышенїемъ почтенъ буду; однако какъ скоро я только назадъ оглянулся, то далъ мнѣ одинъ изъ произшедшихъ знатной фамилїи, которой для сниканїя въ себѣ наиближайшей милости напередъ очень сильно продирался, такой жестокой толчокъ въ самой своей запальчивости, что я съ лѣсницы въ низъ стремглавъ слетѣвъ отъ сна столь страшнаго съ трепетомъ пробудился.

КОНЕЦЪ.

